

— Папочка, ну пожа-а-алуйста, я так хочу попробовать чернила!

Лихорадка никак не хотела проходить. Когда отец принес мне стакан воды, я привстала и умоляюще сложила руки. На небольшой доске, которая удобно помещается в руках, мной уже были начерчены отраженные буквы. Осталось только вырезать написанное, чтобы получилась печать, о чем я и прошу отца.

— Тьфу! Я не покажу тебе результат, пока не пройдет лихорадка, даже если закончу гораздо раньше.

С момента моей просьбы прошло два дня. К этому времени лихорадка наконец пошла на спад, но моя семья всё не могла решить, стоит ли отпускать меня в мастерскую или же я не до конца оправилась после болезни. Лютц утверждал, что стоит мне зайти в мастерскую, создание чернил взбудоражит меня, и я вновь слягу обратно.

— Эм... Я думаю, ч...

— Ни слова больше, Мэйн! Мы и так знаем, куда ты хочешь пойти.

С Тули все быстро согласились. В споре о моей же судьбе мне не дали вставить и слова. Заскучав от такого положения дел, я забрела в кладовку и нашла там тонкую деревянную доску. Пока все были увлечены бурным обсуждением, я расположилась в углу кухни и обмотала дощечку тканью, а затем бамбуком, так бумага точно не повредится.

Ух, я сделала что-то вроде барена. Отдаленно похожее. Для гравировки — точно пригодится. Как раз к тому времени, как я его сделала, дискуссия завершилась. Без возможности каких-либо возражений было решено: я остаюсь дома, но уже на следующий день смогу снова пойти в храм.

День ожидания усилил моё беспокойство. Взяв старую одежду, которую я была бы не прочь выкинуть, мыло и печать, сделанную папой, я была готова идти.

— Лютц, ты ведь тоже взволнован?

— Ага. Ну, как ты это всё делаешь, а? Тебе придется объяснять все мне, раз ты не имеешь прав мне помогать.

Лютц сильно напрягся перед созданием чего-то нового, хоть и пытался скрыть волнение всеми силами. Мне запрещено участвовать в процессе из-за своих синих одежд. Это означало, что Лютц будет делать чернила сам под мою точную диктовку всех действий и бдительным контролем.

— Когда будешь добавлять краску, действуй медленно и примешивай по чуть-чуть. Так смешается лучше. Для начала насыпь сажу на мраморную плиту. Затем сделай в ней маленькие ямки кончиками пальцев, залей в них льняное масло и смешай все шпателем. Много масла не нужно, и если тебе покажется, что его недостаточно, то добавляй по капле. Как перемешается, нужно будет все тщательно перемолоть пестиком.

Свои указания я сопровождала жестами рук, обозначая необходимое количество сажи и масла. Лютт молчал, обдумывая каждый свой шаг.

— И насколько ты говоришь тщательно молоть?

— Не могу сказать точно, от пигмента зависит. В прошлый раз это заняло около двадцати минут. Хм-м-м... Я думаю, ты закончишь к тому моменту, как в суповой кастрюле вода закипит. Хотя, если пигмент другой будет, можно в это время и не уложиться. Тебе нужно так размельчить смесь, чтобы она стала похожей на нежный бархат. Понадобится много терпения и выносливости, потому что процесс довольно утомительный и порой скучный.

Лютт удивлённо раскрыл глаза.

— И ты справлялась с чем-то вроде этого? Ты, Мэйн?

— Тогда я была бойкой девчонкой. Все говорили мне, что я полна энергии, пока могу читать книги. У меня даже была идеальная посещаемость в школьной библиотеке.

— Несомненно, твоя живость быстро возвращается к тебе.

Я утвердительно кивнула. Тяжело было не жаловаться, ведь если бы не это тело, для меня всё могло быть значительно проще. Сколько я могла бы сделать, чего только добиться.

— Ладно. Я собираюсь обратно в мастерскую. Заходи в любое время, как будешь готова.

У ворот Лютт передал меня Франу и быстро зашагал к мастерской. Сперва я собираюсь в свою комнату, чтобы приветствовать прислугу, а потом уже пойду и в мастерскую, где я последний раз была еще до того, как слегла с лихорадкой.

— Мне наконец-то стало лучше. Уверена, я как раз готова сходить в мастерскую.

— Превыше мастерской лишь ваши занятия с Фэспилом, Мэйн.

Я была полна желания и решимости прямо сейчас заняться чернилами, но Розина лишь улыбнулась, не оставив и шанса избежать занятий. Я ожидала засады где угодно, но только не сейчас.

— Для освоения инструмента необходима ежедневная практика. Ты пропустила целых пять дней. Теперь, чтобы избежать потери и догнать необходимый вам уровень, занятия мы увеличим вдвое, а желательно бы и больше. Учитывая обстоятельства, пяти раз вполне должно хватить.

Голубые глаза Розины сияли в восхищении перед грядущей перспективой. Она не шутила, серьёзно намереваясь заставить меня учиться. Как я могла читать книги целый день напролёт, так и она могла заниматься музыкой. Чем дольше продолжался урок, тем счастливее становилась она. Немедленно, всеми силами, я затрясла головой.

— Нет, спасибо! Мне достаточно обычного расписания. Я буду очень прилежна, уверяю тебя!

Розина улыбнулась и протянула мне инструмент.

— Очень хорошо.

Я взяла его и приняла положение для игры. Но во время моих попыток сыграть первую заданную песню, я заметила, что слова Розины оказались чистой правдой. Мой навык значительно упал за время болезни и я не могла играть как прежде. Пальцы будто закалились и перестали слушаться, теперь нужно снова их тренировать с самого начала. Это не предвещало ничего хорошего в изучении второй песни.

В холодном поту я тренировалась до третьего звонка.

— Вот это настойчивость! — Розина улыбнулась и похвалила меня, когда прозвенел третий звонок.

Я ещё никогда не чувствовала себя так плохо, принимая комплимент от красивой девушки.

«Пора в мастерскую!» — с радостью вспомнила я, вот только Фран теперь встал у меня на пути.

— За время твоего отсутствия скопилось много документов. Верховный жрец беспокоился, услышав о твоей болезни. Идём в его кабинет, — Фран не собирался сдвигаться с места.

Я уже несколько дней болею дома, Верховный жрец, должно быть, волнуется. Но мне хотелось пойти в мастерскую... пропустить возню с документами, чтобы спокойно начать делать чернила.

— Оу... Фран...

— Я тебя провожу.

— Мэйн, в такие моменты, как сейчас, нужно просто улыбнуться, не взирая на свои эмоции. В жизни не раз придётся делать то, что тебе не нравится.

Будучи не в силах спорить с Розиной, которой тоже всучили стопку документов, я печально опустила голову.

«Как тут можно улыбаться?» — подумала я со слезами на глазах, выдавливая из себя нервную улыбку.

— Ты права, Розина. Я всё понимаю. Идём в покои Верховного жреца... — с опущенным взглядом я отправилась к нему.

Не то, чтобы мне не нравилось помогать ему с бумагами, но... тот факт, что меня ждут вещи куда интереснее этого, которых я и так дожидаться не могла все время своей болезни, портил мне все настроение, оставляя неприятный осадок.

<http://tl.rulate.ru/book/6509/747502>